

Методологический и феноменологический уровень Л.Я. Штернберга позволил ему формировать фонды и сделать наш Музей таким, какой он есть сейчас.

Библиография

Арсеньев В.Р. Вместо предисловия // Африканское искусство / Ред. М. и Л. Звягиных. СПб., 2009. С. 10–18.

Архив коллекционной описи № 2130 (старая опись 1930 г. и обменный список).

Коллекционная опись № 595, № 2130, № 3137.

Кунсткамера 295 лет. Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого: история, исследования, коллекции. СПб.: МАЭ РАН, 2009.

Резван Е.В. В зеркале времени. Кенийская фотоколлекция Герхарда Линдблома. Каталог фотовыставки. СПб.; Найроби, 2010.

Ethnolog. Languages of the world. 15th ed. / Ed. by R. Gordon. USA, 2005.

Willet F. African art. N.Y.: Thames&Hudson world of art, 2003.

Е.С. Соболева

Переписка Л.Я. Штернберга и К.В. Хартманна как источник по истории коллекций Петербургского и Стокгольмского этнографических музеев

В первые десятилетия XX в. между ведущими этнографическими музеями Санкт-Петербурга и Стокгольма установились прочные взаимоотношения. Оба музея имеют сложную историю, восходящую к началу XVIII в., но самостоятельное их развитие происходит в новое время. Энергия директоров, общность представлений о назначении и актуальных направлениях деятельности, высококвалифицированный мотивированный персонал способствовали быстрому росту популярности обоих музеев, обогащению их новыми коллекциями.

Стокгольмский Музей этнографии (ныне — Etnografiska Museet) возник как часть Шведской Королевской Академии наук (создана в 1739 г.). В 1831 г. этнографические коллекции были выделены в составе Шведского Музея естественной истории, где с 1841 г. демонстрировались в отдельном зале, с 1875 г. — в шести залах. Яльмар Столле (Hjalmar Stolpe, 1841–1905), консерватор Королевско-

го музея археологии Музея естественной истории (Naturhistoriska Riksmuseet), в 1900 г. добился создания этнографического отдела (Etnografiska Afdelning) (фактически выделения этнографического музея) и оставался его директором вплоть до смерти [Med världen 2002]. В 1908 г. эту должность занял его помощник Карл Вильгельм Хартман (Carl Vilhelm Hartmann).

Я. Столле в 1880-е годы установил серию контактов с другими музеями, многие посетил лично. Он неоднократно обращался к директору Санкт-Петербургского Музея антропологии и этнографии (далее — МАЭ) В.В. Радлову с научными запросами, просьбами о содействии шведским этнографическим экспедициям в России и пр., которые, как правило, получали поддержку.

Академик В.В. Радлов, возглавивший МАЭ в 1894 г., принимал все возможные меры для упорядочения его работы, расширения площадей, фондовых коллекций, штатов, финансов. Он совершил несколько ознакомительных поездок в европейские музеи и внедрил в МАЭ многие современные методы музейной работы. Документы, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (далее — СПФ АРАН), свидетельствуют о том, как этнографические музеи вырабатывали разные способы сотрудничества, многие из которых, достаточно сложные и не всегда очевидные, остались вне поля внимания исследователей. В частности, взаимодействие российских и шведских ученых как части музейной сферы изучено недостаточно.

Так, в МАЭ началась в 1900 г. переписка с профессором Гансом Мейером (Hans Heinrich Josef Meyer, 1858–1929) из Лейпцига, в 1903 г. — с его младшим братом Германом Мейером (Hermann August Heinrich Meyer, 1869–1932). Они владели Библиографическим институтом, выпускавшим энциклопедические и справочные издания, много путешествовали. Братья Мейеры активно собирали и приобретали коллекции. В 1900 г. Ганс Мейер подарил МАЭ первое собрание из 403 предметов (бенинские бронзовые изделия, африканские и меланезийские предметы), его брат Герман вступил в переговоры с музеем в 1903 г., и отношения продолжались вплоть до 1911 г. В 1914 г. Герман Мейер был избран почетным членом Попечительского Совета МАЭ. За значительное содействие МАЭ Президент Императорской Академии наук (далее — ИАН) ходатайствовал

о награждении Ганса Мейера орденами св. Станислава 2-й степени со звездой и св. Анны 2-й степени с бриллиантовыми украшениями, Германа Мейера — орденом св. Станислава 2-й степени со звездой [Соболева 2011].

В 1907 г. Ганс Мейер уже имел португальские, румынские, русские и немецкие награды. В 1907 г. он передал в дар Стокгольмскому этнографическому музею коллекцию предметов из Африки, Новой Зеландии и Меланезии — 613 предметов, в том числе бенинские бронзовые изделия. Но, к своему разочарованию, был удостоен наградой недостаточно высокого ранга: получил только орденский крест командора ордена Полярной Звезды, но без звезды. Споры по этому поводу безуспешно велись пять лет [Whose 2010: 32].

Детали контактов этнографических музеев Стокгольма и Санкт-Петербурга в начале XX в. мало известны. Как выясняется, сотрудники МАЭ неоднократно посещали Стокгольм.

Активизация международных связей МАЭ связана с деятельностью Б.Ф. Адлера и Л.Я. Штернберга. Они были назначены служащими МАЭ по вольному найму, а с 1 мая 1902 г. зачислены в штат [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1902. Е.х. 149. Л. 282об.]. В 1903 г. они оба были впервые откомандированы Академией наук за границу: младший этнограф Б.Ф. Адлер с 25 мая по 15 сентября 1903 г. — для обозрения этнографических музеев Берлина и Лондона, младший этнограф Л.Я. Штернберг — с 25 мая по 1 сентября 1903 г. для обозрения этнографических музеев в Берлин, Кёльн, Дрезден, Бремен, Будапешт [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 53. Л. 364–365].

Фактически Л.Я. Штернберг, как он впоследствии указывал, был связан с МАЭ с 1900 г. [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1924. Е.х. 173. Л. 34]. По отношению Департамента Полиции от 9 июня 1900 г. № 5568 ему было разрешено жить в Петербурге с 1 сентября по 1 декабря 1900 г. [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1900. Е.х. 147. Л. 307об.] С 1 января 1904 г. Л.Я. Штернберг был назначен на вакантную должность старшего этнографа [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 53. Л. 413].

Затем Б.Ф. Адлер в 1904 г. был командирован музеем в Аахен [Там же. Л. 468], с 1 июня по 15 августа 1905 г. — в Мюнхен и Вену [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1905. Е.х. 152. Л. 383]. По просьбе В.В. Радлова, он был командирован для ознакомления с коллекциями музеев в Париже и Копенгагене с 25 мая по 1 сентября 1907 г. [СПФ АРАН. Ф. 1.

Оп. 1а-1907. Е.х. 154. Л. 339]. Шведские музеи в план командировки не входили, хотя сведения о визите Б.Ф. Адлера в 1907 г. сохранились в архивах музеев Стокгольма.

Немного позже в Стокгольм прибыли академик В.В. Радлов и сотрудники МАЭ Н.И. Воробьев и С.М. Дудин: с 18 сентября по 21 октября 1907 г. они посетили ряд этнографических музеев Европы (Финляндия — Стокгольм — Копенгаген — Гамбург — Бремен — Кёльн — Дармштадт — Нюрнберг — Лейпциг — Берлин) и подробно изучили их деятельность [Радлов 1907].

Особо дружеские контакты установились между Л.Я. Штернбергом и Карлом Хартманом, который в 1908–1923 гг. был директором Этнографического отдела Королевского Музея естественной истории [Alvarsson, Brunius 1994]. Их интенсивная переписка имела место в 1909–1916 гг., и Хартман нередко адресовал свои послания «Л. Штернбергу, директору». Фрагменты писем и телеграмм, приводимые в данной статье, переведены с английского и немецкого языков автором. Л.Я. Штернберг также переписывался со шведскими учеными Й. Стадлингом (**Mr. J. Stadling**), Г. Гальстрёмом (**Dr. G. Hallström**), профессором Уппсальского университета К.Б. Вилкундом (**Prof. Dr. K. B. Wiklund**) и др.

Карл Вильгельм Хартман (1862–1941) получил образование как ботаник. Он работал ассистентом археолога Яльмара Столпе, который инструктировал его относительно методики археологических раскопок. В 1890–1893 гг. К.В. Хартман принял участие в экспедиции норвежского этнографа Карла Софуса Лумхольца (**Carl Sofus Lumholz**) в горы Сьерра-Мадре в Мексике. Лумхольц работал в этой стране с 1890 по 1910 гг. Хартман изучал, в частности, особенности использования растений коренным населением. Завершив исследование, он в 1893 г. отправился с Лумхольцем на Всемирную выставку в Чикаго и полгода работал с экспонатами в ее Антропологическом отделе, в 1894 г. опубликовал этнографический труд «Индейцы Северо-Западной Мексики».

В 1896–1898 гг. Хартман руководил экспедицией в Центральной Америке (Коста-Рика, Сальвадор, Гватемала), в том числе в 1896–1897 гг. занимался археологическими раскопками в северной Коста-Рике для стокгольмского Королевского Музея естественной истории. Одним из первых он стал документировать свои раскопки с

помощью метода фотографирования. В 1902 г. впервые он участвовал в XIII Конгрессе американистов в Нью-Йорке. В 1903 г. занял должность куратора по этнографии в Музее Карнеги в Питтсбурге (**Carnegie Museum of Natural History, Pittsburgh**), осуществил раскопки у г. Nicoya (Costa Rica) для этого музея. Экспедиция получила археологические, этнологические, антропологические материалы, а также занималась антропометрическими исследованиями.

По возвращении из экспедиции Хартман стал одним из хранителей (кураторов) стокгольмского Королевского Музея естественной истории. В 1901 г. он завершил монографию «Археологические исследования в Коста-Рике». Став директором Этнографического отдела указанного стокгольмского музея, Хартман совершил несколько поездок в Северную и Южную Америку для покупки доколумбовых археологических предметов и этнографических коллекций. Как свидетельствуют его письма к Л.Я. Штернбергу, К.В. Хартман сумел организовать сеть поставщиков такого рода коллекционного материала.

В документах стокгольмского Королевского Музея естественной истории значится, что там принимали российских этнографов д-ра Б. Адлера в 1907 г., в 1910, 1911, 1912, 1913, 1924 гг. — Л. Штернберга, в 1930 г. — д-ра А. Золотарева.

Поворотным пунктом карьеры Л.Я. Штернберга можно считать его участие в Международных Конгрессах американистов — престижных мероприятиях, попасть на которые было непросто. Л.Я. Штернберг как заведующий Американским отделом МАЭ был направлен в Штутгарт от Императорской Академии наук делегатом XIV Конгресса американистов [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 53. Л. 484]. Эта поездка позволила ему познакомиться с ведущими учеными, установить и закрепить важные международные контакты, включить МАЭ в систему обмена коллекциями и научными публикациями.

С 15 апреля по 30 июня 1905 г. Л.Я. Штернберг был командирован в США на частные средства для обозрения местных музеев с целью определения этнографических экспонатов, хранящихся в МАЭ [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1905. Е.х. 152. Л. 366], но по просьбе В.В. Радлова ему по возвращении возместили 100 руб. из сумм МАЭ за поездку Нью-Йорк — Чикаго на 14 дней [Там же. Л. 399 об.].

В Нью-Йорке и Чикаго Л.Я. Штернберг, в частности, вступил в переговоры об обмене коллекциями. Кроме того, по его просьбе Франц Боас (Dr. Franz Boas) отобрал ряд дубликатных вещей, которые были отправлены в Петербург. В конце 1905 г. в МАЭ поступили восемь коллекций от нью-йоркского American Museum of Natural History, за что Императорская Академия наук выразила признательность как Ф. Боасу, так и директору музея г-ну М. Джезупу [Там же. Л. 411]. Результаты командировки Л.Я. Штернберга были одобрены Историко-филологическим отделением ИАН [Там же. Л. 395об.].

В последующие годы вновь предпринимались попытки командировать старшего этнографа МАЭ Л.Я. Штернберг на Конгрессы американистов. В 1906 г. — в Квебек (Канада), чтобы и там он мог ознакомиться с коллекциями на местах и устроить обмен [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1906. Е.х. 153. Л. 349]. В 1908 г. — в Вену, причем ему был выдан бесплатный заграничный паспорт [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1908. Е.х. 155. Л. 365об.]. Отчет о командировке Л.Я. Штернберга на XVI Международный Конгресс американистов было решено напечатать в «Известиях» Академии [Там же. Л. 401].

С 24 декабря 1908 г. по 24 января 1909 г. Л.Я. Штернберг направился в Прагу для осмотра некоторых этнографических коллекций [Там же. Л. 82об.].

В 1909 г. К.В. Хартман активно занимался подготовкой шведской «Северной энциклопедии» и намеревался включить туда сведения российских этнологов (в частности, о В.И. Йохельсоне). Он считал ошибкой, что такая информация практически отсутствовала в шведской литературе. Л.Я. Штернберг ответил ему 11/24 ноября 1910 г.: «Относительно Вашего вопроса о разрешении опубликовать имена Богораза и Йохельсона, я должен сообщить Вам, что г-н Йохельсон ныне находится очень далеко от Петербурга (Камчатка), а Богораз — в тюрьме, осужден на год за литературное преступление. Но я думаю, что они оба будут очень рады принять участие в Ваших изданиях» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 56. Л. 404об.].

В письме от 28 сентября 1909 г. Хартман приглашал Л.Я. Штернберга с супругой посетить музей, который должен был открыться в Стокгольме после реорганизации в 1910 г. [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 60. Л. 62–62 об.].

По просьбе шведских коллег Л.Я. Штернберг подготовил список книг и статей о шаманизме. Эту тему исследовал шведский ботаник Йонас Стадлинг (Jonas Stadling, 1847–1935), совершивший несколько поездок по Крайнему Северу. Часть указанных изданий была закуплена для библиотеки шведского музея.

Большой интерес представляют предложения К.В. Хартмана о совместной работе в Америке. Он неоднократно уговаривал Л.Я. Штернберга отправиться с ним в Мексику и сопровождать его в путешествиях до и после Конгресса американистов, обещал служить переводчиком с испанского, найти наилучшие возможности для приобретения коллекций в поле у самих индейцев или у посредников — как правило, немцев и шведов. При этом он гарантировал, что коллекции можно будет приобрести на любую сумму. В письмах раскрывалась география собирательских работ и имена собирателей. К сожалению, многие проекты не состоялись. Хартману не удалось получить для Л.Я. Штернберга обещанный бесплатный билет на суда Норвежской линии в Мексику.

30 января 1910 г. он писал ему из Лунда: «Если Вам удастся добыть денег на покупки в Мексике, я мог бы предложить Вам отличные возможности. У меня сейчас есть экспедиция для музея — в Южной Мексике и другая вскоре начнется в Северной Мексике. Это, однако, пока секрет. Я могу охотно поделиться, так как Вы в Петербурге так далеко от Стокгольма, гораздо дальше, чем Нью-Йорк или Чикаго. Похоже, мы, шведы, рассматриваем вопрос. Ни один музей в Европе [не имеет] и лишь два в Штатах имеют какие-либо важные этнологические коллекции из Мексики. У меня есть подготовленные опытные этнологи, работающие на меня, и шведы — жители Мексики оплачивают расходы и будут постоянно мне помогать. Я намеревался провести несколько месяцев в Мексике. Поедете ли Вы со мной? Я покажу вам Мексику от Касас Грандес до Митлы, и мы будем гостями шведско-американской колонии в Теуатепеке» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 61. Л. 45–45об.].

16 марта 1910 г. К.В. Хартман сообщал, что, по его сведениям, единственными европейцами на Конгрессе будут представитель Испании и Эдуард Георг Зелер (Eduard Georg Selzer, в то время — директор Отдела американской археологии Берлинского музея народоведения). Сам Хартман намеревался взять отпуск на месяц или

на шесть недель, посетить главные музеи США, затем провести несколько месяцев среди индейцев — «апачей, сери на о-ве Тибурка, яки, майя и, возможно, также некоторых племен Южной Мексики. Туда отправилась экспедиция для моего музея, в начале этого года, собирая коллекции, в основном этнологические. Как Вы знаете, нет мексиканских этнологических коллекций любого значения в европейских музеях. Есть также возможность, что я воспользуюсь новой железной дорогой через Сьерра-Мадре для краткого визита к моим друзьям тараумара, тубаре, тепеуанам, пима и опата. Я хотел бы, чтобы Вам удалось составить мне компанию в этих экспедициях. Затем Вы сможете обеспечить лучшие коллекции, и дешевле, чем иначе было бы возможно, и я там как дома, в этих районах. Помимо сбора коллекций Вы могли бы, конечно, проводить измерения и делать физические наблюдения об индейцах и прочие интересные исследования и сопоставления. Вы выиграете от такого соглашения. Что касается расходов, то они будут зависеть в основном от суммы, которую Вы пожелаете потратить на покупки, но у этих примитивных людей, как Вам известно, сравнительно мало вещей» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 61. Л. 50–51].

Кроме того, К.В. Хартман предлагал в этом плане воспользоваться услугами шведских археологов Густава Гальстрёма, Эрика Бома и других при условии, что МАЭ авансирует им деньги на покупку этнографических коллекций на Севере Европы, а дубликаты затем можно будет обменивать на вещи из шведских собраний. При этом он старался не раскрывать деталей операций. «Если Арне будет спрашивать, просто скажите ему, что мы совершили небольшой обмен. Детали ему знать необязательно» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 62. Л. 108–109].

В конце 1909 г. аргентинский поверенный в делах в Санкт-Петербурге прислал программу XVII Международного Конгресса американистов в Буэнос-Айресе, который планировался на 16–21 мая 1910 г. Аргентинское правительство выражало надежду о командировании русских делегатов ввиду особого научного интереса предстоявшего съезда. По ходатайству академика В.В. Радлова было решено командировать Л.Я. Штернберга на три месяца на конгресс как представителя ИАН [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1910. Е.х. 157. Л. 327].

Оргкомитет Конгресса письмом от 22 марта 1910 г. обещал оказать Л.Я. Штернбергу всяческое содействие [Там же. Л. 364об.].

Хартман не смог собрать нужной суммы на все длительное путешествие, кроме того, неотлагаемые обязательства вели его в Мексику. 15 марта 1910 г. он сообщал Штернбергу: «Мне предлагают уникальную североамериканскую коллекцию, включающую этнологические образцы от самых важных племен равнин и многих из восточных штатов (восемь племен) и некоторых из юго-запада. Такая уникальная возможность никогда больше не представится.

Я желаю разделить с Вами совершенно по-братски плату, которая может быть внесена в рассрочку, надеюсь. Эта коллекция содержит больше, чем все европейские музеи, вместе взятые, имеют из этих регионов. Возможно, какая-нибудь официальная награда для какого-нибудь тщеславного капиталиста могла бы способствовать возможностям для фондов? Вы всегда можете получить дубликаты из других старых коллекций в моем музее в обмен на другие предметы. <...> Я могу отвезти Вас к племенам, которых никогда не посещали этнологи и которые всё ещё обнаруживаются в одном-двух днях пути от железной дороги. Если так, Вы сможете в течение двух месяцев получить возможность узнать внутреннюю жизнь мексиканских индейцев всех уровней культуры — от сеси, которые пока не достигли уровня каменного века — эолита (Мак-Ги), до сапотекос Теуантепека, самой прекрасной расы на американском континенте» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 61. Л. 54–55].

К.В. Хартман был настроен скептически, когда Амброзетти обещал и «бесплатные билеты, и оплатить, кроме того, все расходы в Буэнос-Айресе, и пр. Он это делал в манере всех испано-американцев, когда они говорят вам, что “их дом — ваш дом, а они и их семьи — к вашим услугам”. Это их способ выражать вежливость и добрые чувства, но они были бы шокированы мыслью, что вы воспользуетесь подобным предложением, которое, как замечено, всего лишь изящное выражение. <...>

P.S. Я только дописал это письмо, когда — о, божественная Немезида, звонок министра образования информировал меня, что он получил каблогранму от аргентинского правительства с информацией, что кто-то перевел 70 ф. ст. (1000 крон) на мой счет как делегату. Это — урок мне по испано-американской этнологии, дока-

зывающий, что на Южном континенте концепции иные. Это было очевидно впервые, после Аргентинского Журнала, что они будут одни на конгрессе, что предложение Амброзетти было рассмотрено. Для меня оно поступило слишком поздно. <...> Вы, несомненно, получили такое же щедрое предложение из Буэнос-Айреса и воспользуетесь этим, или Богораз, возможно, поедет в Буэнос-Айрес, а Вы — в Москву. Я с волнением жду Вашего решения. Если Вы выберете Буэнос-Айрес, то, пожалуй, Богораз будет собирать коллекции в Мексике со мной?» [Там же. Л. 51–52].

В мае 1910 г. было принято решение, что вторая сессия XVII Международного Конгресса американистов состоится в Мексике 8–14 сентября 1910 г. Официальным делегатам были направлены дополнительные приглашения, поскольку своих кредитов на командировку ИАН выделить не могла [Там же. Л. 374об.]. Но, ссылаясь на накопившиеся экстренные работы в МАЭ, требовавшие непременно участия старшего этнографа, Л.Я. Штернберг отказался от командировки в Аргентину. Вместо этого он был командирован на вакационное пасхальное время в Стокгольм для переговоров с Королевским Естественно-историческим Музеем об обмене коллекциями (на поездку было ассигновано 100 руб.); затем с 1 мая по 15 сентября 1910 г. — на о. Сахалин, в Приамурский край и Японию для этнографических исследований среди инородцев и собирания коллекций [Там же. Л. 363].

С 6 по 17 апреля 1911 г. старший этнограф МАЭ Л.Я. Штернберг вновь был направлен в Стокгольм для осмотра и отбора предлагаемых Этнографическим отделом Riksmuseets коллекций из Северной Америки [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1911. Е.х. 158. Л. 357]. В результате «член Попечительного о Музее антропологии и этнографии Совета саксонский подданный д-р Герман Мейер в начале мая 1911 г. приобрел для МАЭ ценные дублетные коллекции Стокгольмского музея, а именно:

- а) коллекция предметов быта мексиканских индейцев, собранная доктором Бауэром (около 500 пр.);
- б) коллекция разных племен североамериканских индейцев, собранная М.Р. Гаррингтоном;
- в) коллекция разных племен североамериканских индейцев от разных собирателей;

- г) этнографическая коллекция из Гватемалы;
- д) археологическая коллекция из Коста-Рики;
- е) коллекция плетений из Верхнего Конго, всего до 1200 пр.» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1911. Е.х. 8. Л. 12–12об.].

Члены Попечительского Совета неоднократно приобретали на свои средства ценные и крупные коллекции, которые поступали в МАЭ как их дары. Они также жертвовали денежные суммы на разные нужды музея, в том числе, на покупку коллекций и снаряжение экспедиций. 17/30 июня 1911 г. Л.Я. Штернберг уведомил К.В. Хартмана: «В ближайшие дни мы будем способны выплатить Вам целиком всю условленную сумму (3000 руб.) за коллекцию, чтобы дать Вам возможность поддержать другие экспедиции, особенно австралийскую. Чем мы будем рады воспользоваться. Пожалуйста, пусть коллекцию отправят немедленно» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 63. Л. 31]. Правда, этот чек по ошибке академической Канцелярии был отправлен в Христианию (Осло) и в Стокгольм поступил с опозданием, что осложнило дело.

Одна шведская экспедиция в то время уже работала в Австралии, другая — в Восточной Африке, третья — на о. Мадагаскар. Ведущие музейные специалисты Ингве Лаурелл (Yngwe Laurell), Карл Герхард Линдблом (Kand. Phil. Karl Gerhard Lindblom), Вальтер Александр Каудерн (Dr. Phil. Walter Alexander Kaudern) сумели собрать очень интересные коллекции. К.В. Хартман вел интенсивные переговоры об обмене этими коллекциями и с другими музеями Европы.

В.В. Радлов докладывал: «Согласно поручению моему, командированный этим летом за границу старший этнограф Л.Я. Штернберг вошел в предварительное соглашение с директором Этнографического отдела Естественно-Исторического Музея в Стокгольме, профессором С.У. Hartmann Гартманом об участии вверенного мне Музея в коллекциях, полученных Стокгольмским музеем из снаряженных им экспедиций в Австралию, Африку и на Филиппинские о-ва. Значительная часть коллекций из упомянутых экспедиций уже получена и была осмотрена г. Штернбергом и найдена очень ценной в научном отношении. Вполне одобряя это соглашение с проф. Гартманом, с которым вверенный мне Музей уже давно находится в тесных сношениях, прошу распоряжения Отделения выслать ему в Стокгольм предварительно, впредь до окончательного расчета,

1 тыс. руб.» [Там же. Л. 271]. В Стокгольм по предварительным расчетам за коллекции из сумм МАЭ было переведено 1917 крон 53 эре (ассигновка № 1253 от 3 октября 1912 г. [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1912 г.). Е.х. 26. Л. 95].

5 октября 1912 г. Хартман уточнял, что в Стокгольм поступило из МАЭ 1000 руб. в качестве аванса и уплаты за прошлый год. Из этих денег 500 руб. в декабре получил В.А. Каудерн за мадагаскарские коллекции, 344 руб. были отправлены на Филиппины, прочее — миссионеру А.Р. Кемпе из Уппсальского университета, который уже 10 лет жил среди зулу и сделал словарь их языка. Он предлагал МАЭ обменять сейчас же австралийские материалы на сибирские вещи (просил 2–3 ящика) либо весной купить их за деньги. Найти форму обмена этими коллекциями для двух музеев было непросто.

К.В. Хартман волновался, найдет ли МАЭ вообще средства. Он писал: «Д-ру Каудерну на Мадагаскар 1000 крон [послал] из собственных денег и обещал ему еще 2000 в надежде, что Вы также примете участие». Продолжал работу среди лопарей Гальстрём. Шведская экспедиция, имея 25000 крон, направлялась в Китай. Из Мексики ожидалась коллекция на 10 тыс. песо, а также — из Венесуэлы, Цейлона и др. (письмо 30 сентября 1912 г.) [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 64. Л. 265–266].

С 27 мая по 1 июня 1912 г. Л.Я. Штернберг был направлен на XVIII Конгресс Американистов в Лондоне [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 63. Л. 184].

При разработке новых штатов ИАН В.В. Радлов добился того, что в штат МАЭ ввели три должности старших этнографов, при этом на статского советника Л.Я. Штернберга были возложены обязанности помощника директора по общему ведению и надзору за Музеем (поскольку он фактически и успешно нес их в течение многих лет). Ввиду сложности обязанностей, требующих значительной работы сверх служебного времени, ему назначалось добавочное вознаграждение в 40 руб. в месяц с 1 сентября 1912 г. из общих сумм Музея [Там же. Л. 260]. В 1912 г. **годовой оклад Л.Я. Штернберга (по VI кл.) составлял 2500 руб.** [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1912 г.). Е.х. 83. Л. 70об.].

24 октября 1912 г. Хартман «в такой спешке отплыл в Панаму, но мой друг добыл очень быстро значительные суммы, и тогда я решил

воспользоваться этой возможностью» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 65. Л. 366–366об.].

10 ноября 1912 г. Хартман подтвердил получение от МАЭ перевода за коллекции в сумме 1917 крон 55 эре [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 64. Л. 212].

В письме от 19 ноября 1912 г. он цитирует предложения из раннего письма Штернберга: «Я посмотрел наши дубликатные азиатские материалы, трудно собрать комплект вещей народов, посещенных г-ном Стадлингом, но я могу заказать такой набор вещей и послать его, но не так скоро. Так как г-н Стадлинг и я очень заинтересованы получить такую коллекцию, прошу заказать и заплатить за них, и я дам Вам австралийские и другие вещи в обмен. Африканские коллекции г-на Линдблома упакованы недели назад, и описание и первоклассный каталог, написанный по-английски, каковой я собираюсь послать Вам, как только я исправлю английский, — там же. Г-н Стадлинг начал собирать материал для своей обширной публикации “Шаманы”. Г-н Гальстрём — об оленеводстве в Сибири» [Там же. Л. 214].

В ответ на письмо от 9 января 1913 г. Л.Я. Штернберг уведомлял К.В. Хартмана, что всего в Стокгольм отправили 3754 руб. 75 коп. [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 63. Л. 352].

В начале 1913 г. В.В. Радлов просил Историко-филологическое отделение ИАН командировать Л.Я. Штернберга в Турку на III Всероссийский съезд деятелей кустарного промысла [Там же. Л. 428], а также в Стокгольм. «Директор Этнографического Музея при Академии наук в Стокгольме проф. Гартман извещает меня, что с 18 марта с.г. Музей открывает специальную выставку этнографических коллекций, собранных различными экспедициями, снаряженными этим Музеем. Так как часть этих коллекций, по соглашению со Стокгольмским Музеем, должна быть уступлена нашему Музею, профессор Гартман просит командировать лицо для осмотра коллекций и распределения их по взаимному соглашению. Ввиду этого прошу разрешить командировать в Стокгольм на 10 дней старшего этнографа Л.Я. Штернберга с 3 апреля с.г., и исходатайствовать для него заграничный паспорт».

12 апреля Л.Я. Штернберг вернулся в Петербург. В.В. Радлов доложил Историко-филологическому отделению ИАН, что за время

пребывания в Стокгольме Л.Я. Штернберг подробно осмотрел этнографическую выставку новых сборов Riksmuseum'a, отобрал для МАЭ три коллекции по Австралии, Африке и Мадагаскару. «Часть этих коллекций поступает в счет авансированных Стокгольмскому Музею 1000 руб., другая будет оплачена по нашей оценке по прибытии коллекций в Петербург». Кроме того, по поручению В.В. Радлова он выработал вместе с директором Этнографического отдела Riksmuseum проекты совместных экспедиций в Австралию, Меланезию, Африку и Переднюю Азию [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1913. Е.х. 160. Л. 353, 381].

В мае 1913 г. Л.Я. Штернберг подвел для Хартмана баланс платежей и обменов: «6 июня 1911 г. Вам перевели из Музея 1570 руб., 8 июня 1911 г. — 664 руб., 13 июля 1912 г. — 800 руб. и в сентябре 1912 г. — 1000 руб. Значит, всего 3734 рубля. Но так как музей Вам должен только 3000 руб., таким образом, Ваш долг составляет 734 рубля, о чем я Вам сообщил сегодня по телеграфу» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 63. Л. 470].

К.В. Хартман приготовил для МАЭ хорошо документированные материалы. «Настоящим посылаю Вам африканские коллекции и каталоги. Когда Лаурелл закончит свой каталог, который он надеется суметь сделать на днях, я пошлю его коллекции тоже. Как только у меня будет время, я напишу Вам подробно» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 66. Л. 150].

Из Стокгольма от Национального Музея прибыли 20 мая 1913 г. через фирму «Aktiebelaget Nyman & Schultz Stockholm» три ящика весом 150 кг и один ящик весом 150 кг [Там же. Л. 154, 161]. Всего из Стокгольмского музея было получено две коллекции: 1) крайне ценные предметы быта и культа Северо-Западной Австралии — 226 предметов (оружие, одежда, утварь, религиозные предметы и пр.). В Западной Европе нет коллекций из этой области. 2) 176 предмета быта и культа племен Восточной Африки (Акамба, Вапаре). Условия поступления в Музей обеих коллекций пока еще не выяснены [Там же. Л. 140].

Кроме того, предстояло перевести 200 шведских крон в Стокгольм профессору Гартману за полученные через его посредство коллекцию фотографий из путешествия по Африке д-ра Линдблома

(Ассигновка № 1103 21 сентября 1913 г. на 104 руб. 30 коп.) [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1913 г.). Е.х. 26. Л. 198].

10/23 июля 1913 г. Л.Я. Штернберг писал К.С. Хартману: «Я боюсь, Вы меня не поняли. Я сообщил Вам, что я уверен, что мы сумеем принять участие во всех четырех экспедициях, о которых мы с Вами говорили. Но это может быть реализовано не ранее поздней осени или, самое позднее, в начале следующего года. В частности, обсуждался проект отправки Клейна в Малую Азию и Аравию, при условии что МАЭ примет на себя расходы на 1–2 года и получит половину коллекции» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 66. Л. 46–47]. «Что о сибирских коллекциях, то я найду время на другой день и проверю для Вас сибирские предметы» [Там же. Л. 87].

В письме от 20 июля 1913 г. Хартман сожалел, что Штернбергу так сложно добывать деньги на покупку вещей, поступающих в Стокгольмский музей. Он сообщал, что в 1914 г. ожидаются крупные коллекции из Мексики, Новой Гвинеи, Океании и Китая, где уже не первый год работали нанятые им собиратели [Там же. Л. 233–234].

В конце 1913 г. Хартман опять покинул Стокгольм и направился в США, где осматривал коллекции и познакомился с учеником Ф. Боаса д-ром А.М. Тоззером, работавшим в Международной школе археологии в Мексике. «Со времени моего отъезда из Стокгольма 26 сентября я провел около шести недель в Штатах, посещая Нью-Йорк, Нью-Хейвен, Вашингтон, Питтсбург, Чикаго, Бостон, Кембридж. Я посмотрел коллекции в музеях и сделал выборки, которые я купил. Я также списался с рядом частных собирателей и получил от них материал. Я получил коллекции, в основном, из Юго-Запада и от индейцев прерий. Затем я посетил Ямайку, Панамский перешеек, Коста-Рику, Гватемалу и Гондурас. Мне повезло в Коста-Рике и Гватемале. Я бы вернулся в Коста-Рику следующей зимой, если возможно. Я открыл в одном из озер на высокой горе огромные залежи приношений богам воды, керамику и идолов в слоях толщиной в несколько футов и покрывающих длинную полосу пляжа. Вода была горячей на поверхности около 25 ф., но хороша внизу, и индейцы в былые времена приходили сюда принимать ванны, когда болели. Я взял для удовольствия несколько больших чаш, но время не позволило широких работ. Там были другие сходные залежи на другой стороне озера. Учитывая мои прежние поездки сюда, мне говорили

о подобных отложениях в болоте на Побережье, но у меня не было времени изучить этот вопрос».

15 января 1914 г. Хартман сообщал Штернбергу, что его отпуск продлится до 15 марта, но у него появились неожиданные финансовые проблемы, так что он был вынужден занять денег у брата и пары друзей. Отсрочку выплат он надеялся покрыть из суммы, которую ему обещали прислать из МАЭ до конца февраля [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 67. Л. 33–35].

В МАЭ, наконец, 29 января 1914 г. **оценили обе коллекции**, полученные в мае 1913 г. «из совместных экспедиций, производимых МАЭ и Этнографическим музеем в Стокгольме, — африканскую и австралийскую, в 3,5 тыс. руб. Кроме того, дальнейшими совместными экспедициями в Австралии и Северной Америке в настоящее время продолжаютсся сборы для нашего Музея, в счет которых необходимо выслать еще 1,5 тыс. руб. По просьбе директора Стокгольмского музея проф. **C.V. Hartmann'a**, находящегося сейчас в путешествии по Северной Америке, деньги эти нужно переслать кредитору Музея Ivar Engström в Стокгольм». Было положено уплатить 5 тыс. руб. из сумм Музея [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1914 г.). Е.х. 26. Л. 34]. 4 февраля 1914 г. эти 5000 руб. (частично за полученные коллекции, частично как аванс на экспедиции) были отправлены чеком. 12/25 февраля 1914 г. чек на 9587 крон 73 эре, выписанный на имя на Ivar Engström, Kreditaktiebolaget, Stockholm, был получен адресатом [Там же. Л. 40, 35].

20 февраля 1914 г. К.В. Хартман уведомил Л.Я. Штернберга о намерении вернуться из США в Стокгольм через Японию, Москву и Берлин, но без возможности посетить Петербург, и вновь просил выслать ему пару небольших ящиков с сибирскими материалами, «главным образом, вещи от племен, которые посетил Стадлинг. Ничего не будет опубликовано, но я должен показать некоторые обменные вещи от Вас» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 67. Л. 247–247об.].

В.В. Радлов рассчитывал командировать Л.Я. Штернберга (если позволит собственное его здоровье) в Вашингтон на XIX Конгресс американистов осенью 1914 г. «Командировка важна в научном отношении, в непосредственных интересах Музея, который крайне нуждается в коллекциях из Северной Америки, которые теперь очень

трудно достать, и только при личных сношениях на месте, благодаря связям г. Штернберга с местными деятелями можно рассчитывать на возможные ценные приобретения» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1914. Е.х. 161. Л. 430об.]. Но в связи с началом Первой мировой войны Конгресс, намеченный на 5–10 октября 1914 г., был отложен на неопределенное время [Там же. Л. 444].

В 1915 г. в Стокгольмском музее, «как мною [В.В. Радловым. — Е.С.] своевременно было доложено Конференции, хранится несколько коллекций, собранных вместе со вверенным мне Музеем Академии и подлежащих распределению между обоими Музеями еще в прошлом году. Не считая возможным дольше откладывать раздел коллекций, я прошу в течение лета командировать для этой цели старшего этнографа Л.Я. Штернберга в Стокгольм с тем, чтобы он вошел в окончательное соглашение относительно раздела коллекций и отобранные предметы теперь же приготовил к отправке при первой возможности. На путевые издержки я прошу ассигновать Л.Я. Штернбергу 150 руб. из сумм МАЭ и сделать распоряжение об исходатайствовании ему заграничного паспорта. Во избежание случайностей уже сделан запрос директору Стокгольмского Музея, и от ответа его будет зависеть окончательно вопрос о поездке и времени отъезда Л.Я. Штернберга» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1915. Е.х. 162. Л. 427].

Наконец, Хартман определил удобный для него срок и телеграммой предложил Штернбергу сопровождать его в отпуск на воды в августе, а потом заняться коллекциями [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 70. Л. 73]. Но Министерство народного просвещения объявило, что «затрудняется командировать в Стокгольм Л.Я. Штернберга — поездка неудобная, ввиду условий военного времени» [Там же. Л. 69]. Первая мировая война не позволила уладить дела между музеями.

Л.Я. Штернберг писал К.В. Хартману: «Как Вы помните, Академия послала Вам 5000 руб., из этой суммы 2500 — за австралийские и африканские коллекции, и другие — аванс за новые коллекции. Более того, я приготовил на обмен некоторые сибирские коллекции (сойоты, алтайцы, ламуты и пр.), но их нельзя послать до конца войны» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 66. Л. 451].

19/2 октября 1916 г. Л.Я. Штернберг обратился к К.В. Хартману с просьбой найти для его научной работы книгу «Revista Trimensal do Instituto Historico» (Rio de Janeiro, 1875. Bd. 38, I и 1876, Bd. 39, II) и, если она есть в библиотеке, одолжить ее на время, послать в музей, как было принято между учеными [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 69. Л. 377]. Затем переписка надолго оборвалась.

Активная собирательская деятельность К.В. Хартмана принесла солидные плоды. Когда он начал работать в Музее, там было 18 000 предметов, а в 1912 г. — уже 77 000, и музей продолжал пополняться. Хартман начал также собирать киноколлекции и записи музыкального фольклора: «Миссионеры часто предлагают звукозаписи, но музей не может их купить». Стокгольмский музей здесь конкурировал с Берлинским музеем народоведения, в котором пока не применяли современных методов копирования. Хартман склонялся к сотрудничеству с «Laurell&Hornbrotel, которые делали копии на электронном аппарате» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 64. Л. 267–268].

Л.Я. Штернберг продолжал работать в МАЭ. Его заслуги были оценены по достоинству. «Хаим-Лев Штернберг. Старший этнограф МАЭ, статский советник. Вероисповедания иудейского. Награжден орденами для нехристиан: св. Станислава 2-й ст. (1 января 1910 г.), св. Анны 3-й ст. (1898 г.), св. Станислава 2-й ст. (1901 г.), медалью в память 300-летия царствования дома Романовых. В службе с 9.06.1902 г., в ведомстве с 9.06.1902 г., в чине с 7 января 1908 г., в должности с 7 января 1904 г. Класс должности V. Годовой оклад 3680 руб.» [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1914 г.). Е.х. 74. Л. 41]. Может быть представлен к ордену св. Анны 2-й ст. [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1915 г.). Е.х. 62. Л. 6].

В 1913 г. он был избран членом-корреспондентом Берлинского общества антропологии, этнологии и преистории (**Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte**), что было занесено в его формулярный список [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1913. Е.х. 160. Л. 406об.]. В 1924 г. Л.Я. Штернберг успешно баллотировался и был утвержден членом-корреспондентом Российской Академии наук по разряду палеоазиатских языков [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1924. Е.х. 173. Л. 34].

Почти десять лет дирекция МАЭ беспокоилась о судьбе коллекций, с 1914 г. хранившихся за границей. Непременный секретарь Российской Академии наук С.Ф. Ольденбург в 1918 г. озвучил ходатайство старшего этнографа МАЭ Л.Я. Штернберга: «Приобретенные Музеем до начала войны этнографические коллекции из Гренландии и Северной Америки вследствие военного времени не могли быть своевременно доставлены в Петроград и находятся в настоящее время в Копенгагене и Стокгольме.

Ввиду прекращения войны и возобновления сношений с нейтральными странами Музей, озабочиваясь о судьбе упомянутых коллекций и о скорейшем получении их, находит желательным командировать зав. Средне- и Южно-Американским отделом Этнографического Музея К.К. Гильзена в Данию и Швецию для выяснения сохранности этих коллекций и для принятия меры по скорейшему получению их. Кроме того, для успешности дальнейшей работы К.К. Гильзена в нашем Музее желательно было бы предоставить ему возможность заняться в музеях Дании, Швеции и Норвегии.

Ввиду этого Музей просит Отделение командировать К.К. Гильзена на четыре месяца за границу и исходатайствовать ему заграничный паспорт и пропуск — как для выезда из России, так и для въезда в Скандинавские государства, снабдить его Открытым листом.

Кроме того, необходимо облегчить г-ну Гильзену приобретение иностранной валюты и разрешение для провоза через границу суммы, более установленной ныне нормы, т.к. возможно, что ему придется уплатить на месте за хранение академических коллекций и перевозку их в Петроград». Положено: командировать, сделать нужные сношения [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1918. Е.х. 165. Л. 405об.]. Но К.К. Гильзен скончался 30 мая 1918 г. Возвращение экспонатов пришлось отсрочить.

В марте 1920 г. заведовавший Музеем академик В.В. Бартольд вернулся к этому вопросу: «В течение целого ряда лет МАЭ состоял в обменных отношениях и соучастии в коллекционировании с Этнографическим музеем в Стокгольме. К моменту начала войны 1914 г. нашему Музею предстояло получить, по сведениям наших счетов, значительную и ценную этнографическую коллекцию, которая не была выслана в свое время исключительно по условиям военного времени. Эту ценную коллекцию, пока еще не забылись старые свя-

зи между Музеями, необходимо как можно скорее получить и вместе с тем возобновить вновь очень важные обменные и сотрудничество отношения с этим крупным этнографическим институтом. Ввиду этого, а также для приобретения новых изданий, не получавшихся в Музее за последних пять лет, Музей считает нужным командировать старшего этнографа профессора Л.Я. Штернберга в Стокгольм и, в случае надобности, по книжному делу и в Лейпциг на два месяца, считая с 1 мая, и просит возбудить соответствующее ходатайство о снабжении его заграничным паспортом и необходимой суммой валютой на расходы в пути, на приобретение книг и на транспортирование коллекции, причем уполномочить Л.Я. Штернберга, путем непосредственных сношений с Комиссариатом, выяснить размеры той суммы, которая могла бы быть представлена в его распоряжение». Положено: командировать Л.Я. Штернберга за границу сроком на два месяца на указанных основаниях [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1919. Е.х. 166. Л. 236об.]. Требовалась сумма приблизительно до 200 000 руб. валютой под последующий отчет [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 73. Л. 240], которой в то время не нашлось.

Директор МАЭ возобновил ходатайство в 1921 г. «Совет Музея постановил командировать старшего этнографа, профессора университета Л.Я. Штернберга в Стокгольм, Копенгаген, Гамбург сроком на два месяца, для организации вывоза из-за границы коллекций Музея, не доставленных в свое время по причине военных действий, прося Отделение принять зависящие меры к осуществлению упомянутой командировки. Ходатайство возбуждено в мае 1920 г., но тогда командировка не могла осуществиться» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1921. Е.х. 169. Л. 236].

Очередное «ходатайство о командировке за границу сроком на три месяца старшего этнографа МАЭ проф. Л.Я. Штернберга для принятия мер к разысканию и получению коллекций Музея, находившихся со времени войны за границей, для возобновления обмена объектами с этнографическими музеями Западной Европы, для приобретения некоторых объектов, необходимых для представления юбилейной выставки и для ознакомления с новейшей постановкой музейного дела и представления этнографии на Западе», было возбуждено еще через год. Директор МАЭ академик Е.Ф. Карский настаивал: «Кроме ассигнований на командировку необходимо пре-

доставить Л.Я. Штернбергу возможность получить у зарубежных представителей РСФСР сумму до 1500 золотых рублей на закупки и на перевозку коллекций в Россию» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1923. Е.х. 172. Л. 202об.].

Когда стали возобновляться отношения между странами, «полпредство СССР в Швеции и Организационная комиссия XXI Конгресса американистов выразили пожелание, чтобы на Конгрессе в августе 1924 г. в Гётеборге присутствовали представители русской науки — проф. Л.Я. Штернберг и В.Г. Богораз». Решением Главнауки они были откомандированы [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1924. Е.х. 173. Л. 1об.].

В 1923–1924 гг. в МАЭ, наконец, стали возвращаться коллекции, которые с 1914 г. хранились в Стокгольме и в других точках мира.

Сотрудничество между этнографическими музеями России и Швеции, которое было особенно интенсивным в период 1908–1914 гг., оказалось взаимно полезным во всех отношениях.

Куратор американских коллекций Стокгольмского этнографического музея Стаффан Бруниус (Staffan Brunius) составил краткую справку об обменных коллекциях. Происхождение вещей позволяют проследить пометки в коллекционных описях музея; в Швеции регистрация велась по годам, внутри года — по хронологическому принципу.

Ряд этнографических предметов из коллекций, поступивших в Стокгольм из Мексики, предназначался для России (точнее — для петербургского музея): № 1910.10 (в основном, от Mazateco, живущих в горных районах штата Оахака), № 1911.1 (Chontal, Lacandon, Otomi). Составил эти коллекции Д-р Вильгельм Бауэр из Мексики.

Д-р Вильгельм Бауэр (Dr. Wilhelm Bauer), немецкий врач, путешественник и торговец, коллекционировал керамику Центральной Мексики, Оахаки и других районов. Некоторые его собрания пополнили музеи в Берлине, Бремене, Нью-Йорке, Вашингтоне, Мехико. В. Бауэр был учеником Эдуарда Георга Зелера, ведущего специалиста по месоамериканским культурам, первого директора Отдела американской археологии Берлинского музея народоведения в 1904–1922 гг. Зелер и его супруга в 1887–1911 гг. привезли много предметов из Мексики (в основном из Оахаки).

В Стокгольмский музей мексиканские коллекции В. Бауэра передали члены семьи (Cedergren). Один из ее представителей — бизнесмен Цедергрэн (Henrik Tore Cedergren, 1853–1907), основатель и директор Шведской телекоммуникационной компании, в 1880-х годах убедил Ларса Магнуса Эрикссона наладить производство модернизированных и более дешевых телефонных аппаратов. В 1889 г. «Российско-Шведско-Датская Телефонная Компания Цедергрэн А.О.» занималась телефонизацией России и Царства Польского.

В МАЭ значатся поступившие в дар в 1911 г. коллекции от Вильгельма Бауэра из Мексики (штат Оахака): № 1860–1863. Они приобретены на средства Германа Мейера.

Ряд экспонатов из стокгольмской коллекции № 1909.18 был передан в Санкт-Петербург в обмен в 1911 г. Эту коллекцию составил Марк Рэймонд Харрингтон (Mark Raymond Harrington, 1882–1971). Ученик антрополога Франца Боаса, он собирал в США этнографические коллекции для многих американских музеев, производил археологические раскопки. В этой купленной у М.Р. Харрингтона коллекции были, в частности, этнографические вещи ирокезов. В МАЭ значатся как поступившие по обмену в 1911 г. коллекции № 1881, 1882, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893 по культуре индейцев США (201 предмет), собранные М.Р. Харрингтоном. Они частично происходят из коллекции 1909.18, купленной шведами у М.Р. Харрингтона. Согласно приложенному к спискам письму предметы отобрал для МАЭ проф. Л. Штернберг. Коллекции М.Р. Харрингтона поступила в МАЭ благодаря средствам д-ра Германа Мейера (из Лейпцига) через Стокгольмский музей. В 1924 г. в МАЭ поступила по обмену через посредничество К.В. Хартмана еще одна коллекция М.Р. Харрингтона (№ 3142) [Ершова, Корсун 2005].

От Германа Мейера через Стокгольмский музей в МАЭ в 1912–1913 гг. попали центрально-американские коллекции № 1982–1985, от Ганса Мейера в 1911 г. — африканские коллекции № 1851 (собранные миссионером Г.В. Штольбрандом) и № 1852.

Отметим также, что в 1925 г. часть африканских даров Ганса Мейера Стокгольмскому музею, в свою очередь, попала по обмену в МАЭ (№ 3136).

В 1913 г. МАЭ получил из Стокгольма восточно-африканскую коллекцию, собранную К.Г. Линдбломом, и коллекцию фотографий (№ 2130, 2151), а также австралийскую коллекцию, собранную Ингве Лауреллом (№ 2159) [Шафрановская, Азаров 1984].

По данным годовых отчетов Стокгольмского музея, из МАЭ была переведена сумма в 3754 руб. 75 коп., взамен МАЭ получил 746 предметов — дубликаты вещей из Мексики и Северной Америки. Они были приобретены в 1913–1914 гг. К.В. Хартманом, который специально ездил в США для закупки коллекций. В 1915 г. МАЭ перевел еще 5000 руб. для оплаты собранных ранее (в 1914 г.) дубликатов.

Пополнение музеев экспонатами в указанный период определялось состоянием арт-рынка. Продавцы, перекупщики, коллекционеры обращались к одним и тем же немногочисленным источникам. Исходные коллекции оказывались разделенными между многими покупателями и попадали в музеи, пройдя через несколько рук. В музейной документации отражены обычно последние известные этапы истории коллекции и имена продавцов или дарителей (реже — собирателей).

Система регистрации в МАЭ не позволяет однозначно выявить все коллекции, поступившие из Стокгольмского музея. В документах указаны разные способы их приобретения: дар, покупка, экспедиционный сбор, обмен (что соответствует истине). Очевидно, в каждом случае следует уточнить способ поступления и то, на какие средства это было сделано. Вещи, приобретенные в поле индивидуальным собирателем или в ходе экспедиции, поступали в музей, где их можно было вновь купить либо обменять на другие предметы, а приобретенные снова продать или передать в дар, например музею в другой стране.

Лев Штернберг впоследствии собирал для Стокгольмского Этнографического музея коллекции по народам Амура: он организовал покупку (№ 1926.28) и затем — дарение (№ 1927.22) нанайских вещей. Коллекции, поступившие из МАЭ в Швецию, еще предстоит исследовать.

Библиография и источники

Ершова Е.А., Корсун С.А. Указатель собирателей и дарителей коллекций отдела этнографии народов Америки МАЭ // *Аборигены Америки: Предметы и представления*. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 4–58. (Сборник МАЭ. Т. L).

Соболева Е.С. Братья Ганс и Герман Мейеры как создатели Музея антропологии и этнографии в конце XIX — начале XX века // Россия и Германия. 2011. № 1. С. 48–53.

Шафрановская Т.К., Азаров А.И. Каталог коллекций отдела Австралии и Океании МАЭ // Культура народов Индонезии и Океании. Л., 1984 (Сборник МАЭ. Т. XXXIX). С. 5–25.

Радлов В.В. Отчет о командировке для обозрения этнографических музеев // Известия Императорской Академии наук. СПб., 1907. С. 743–748.

Alvarsson, Jan-Åke and Staffan Brunius. A Brief Introduction to the History of Swedish Americanists // Acta Americana. 1994. Vol. 2. No 2. P. 41–64.

Med världen i kappsäcken: Samlingarnas väg till Etnografiska museet. Stockholm, 2002.

Whose Objects? Art Treasures from the Kingdom of Benin in the collection of the Museum of Ethnography, Stockholm. Museum of Ethnography, Stockholm, 2010.

СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Е.х. 147–173.

СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1911. Е.х. 8.

СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1912 г.). Е.х. 26.

СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1912 г.). Е.х. 83.

СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1913 г.). Е.х. 26.

СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1914 г.). Е.х. 26.

СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1914 г.). Е.х. 74.

СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1915 г.). Е.х. 62.

СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 53–73.

О.В. Соколова

**Роль Л.Я. Штернберга в пополнении фондов МАЭ
коллекциями по культуре индейцев Западной Мексики
(по материалам переписки Л.Я. Штернберга
и К.Т. Пройса)**

Значение деятельности Л.Я. Штернберга в формировании музейных фондов по народам Америки сложно переоценить. При его непосредственном участии в первой четверти XX в. путем покупки, обмена или дарений МАЭ приобрел многочисленные коллекции по различным народам как Северной, так и Южной Америки. В част-